

Марина Ветрова ✦ Ада Огнева

РАЗВОД

С ПРЕДАТЕЛЕМ.
ТЫ УКРАЛ МОЙ БИЗНЕС
РАДИ ЛЮБОВНИЦЫ!

Ада Огнева

**Развод с предателем. Ты украл
мой бизнес ради любовницы!**

«Автор»

«Автор»

2026

Огнева А.

Развод с предателем. Ты украл мой бизнес ради любовницы! /
А. Огнева — «Автор», «Автор», 2026

Я вернулась домой раньше и застала мужа с любовницей в нашей спальне. — Не устраивай сцен, Ева. Развод уже оформляется. А бизнес теперь мой! Восемь лет брака. Десять лет работы над собственным экспертным бюро. И всё это муж решил отдать себе и своей наглой любовнице! Он заблокировал мою карту, выставил за дверь и попытался уничтожить мою профессиональную репутацию. Но я не собираюсь сдаваться! На моём пути появляется Глеб Чёрный — влиятельный кардиохирург, которого я знаю с детства. Он помогает моей больной племяннице и неожиданно становится самым близким человеком. Теперь бывший умоляет меня вернуться. Но я уже выбрала новую жизнь. Без него!

© Огнева А., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дождь по диагонали	6
Глава 2. Человек, который не извиняется	9
Глава 3. Совет под клёнами	13
Глава 4. Мольберт и скальпель	16
Глава 5. Пирожок и препарированная репутация	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Марина Ветрова

Развод с предателем. Ты украл мой бизнес ради любовницы!

— Марк, у нас гости? — Остановилась в прихожей перед чужим кремовым зонтом и прислушалась. Сверху, из нашей спальни, донёлся женский смех, и Пирожок настороженно ткнулся носом в стенку сумки-переноски.

Глава 1. Дождь по диагонали

— Марк, у нас гости? — Остановилась в прихожей перед чужим кремовым зонтом и прислушалась. Сверху, из нашей спальни, донёсся женский смех, и Пирожок настороженно ткнулся носом в стенку сумки-переноски.

Поднялась по лестнице с папкой осеннего аукциона в одной руке и переноской в другой. За приоткрытой дверью спальни скрипнула кровать, и Марк произнёс тоном, который я слышала только ночью:

— Не спорь, я лучше знаю.

Толкнула дверь и поставила переноску у стены, рядом с порогом.

Власта, координатор московских аукционов, лежала на моей кровати. Ногти цвета бургундского впивались в эскизы поверх моего любимого покрывала. За каждую из этих тридцати двух страниц пришлось поспорить с Марком. Теперь копии с серыми полосами от принтера держала его любовница; оригиналы, слава богу, оставались в папке.

— Ой. — Власта приподнялась на локте и подложила под спину мою подушку. — А мы тебя ждали к семи. Марк сказал, ты всегда опаздываешь.

Марк стоял у окна в расстёгнутой рубашке и наливал виски. Посмотрел на меня спокойно, почти ласково.

— Не устраивай сцен, Ева, — попросил Марк, прикрыв бутылку. — Ты же искусствовед, а не истеричка. Мы всё давно обсудили.

— И с кем же ты это обсудил? — спросила, прислонив папку к косяку.

— Со мной. — Власта села, свесив ноги, и помахала эскизами. — Я уже всё переделала, если честно. Твоя развеска — это позавчера. Аукцион теперь веду я. Ты не против? Хотя... тебе всё равно не светит.

Выхватив листы, разорвала верхний пополам. Хруст получился оглушительным; Власта отшатнулась, но тут же усмехнулась и улеглась удобнее. Второй лист поддался с трудом. На четвёртом пришлось остановиться: от рывков заболело запястье, а ей всё это было забавно. Она уже знала, что останется здесь. Получила мою спальню, мой проект и даже право посмеиваться над хозяйкой, пока та рвёт дешёвые копии.

— Давно вы всё решили? — спросила, повернувшись к Марку.

— В августе. Может, раньше. — Он отпил виски и поставил стакан. — Ева, будь разумной. Развод продуман, документы у нотариуса. Я не хотел, чтобы ты узнала вот так, но ты сама виновата — не звонила.

Развод он успел обсудить со всеми, кроме меня. Восемь лет вместе, а сейчас мне полагось только выслушать готовое решение.

— Сейчас соберу вещи, — сказала, отходя к шкафу. Получилось почти буднично, только за дверцу пришлось ухватиться крепче.

— Карта заблокирована, — сказал он почти нежно, убрав стакан с моего пути. — На время, пока не успокоишься. Счёт общий, ты же помнишь.

Вытащила из-под кровати чемодан, уложила свитера и джинсы. Бельё выгребла из ящика целиком, а с фотографиями застряла: всюду рядом улыбался Марк. Папку оставила на комод, забрала снимок с отцом, спрятанный за свадебным портретом, и зарядку из розетки. Пока укладывала сумку поверх чемодана, вспомнила о записке на кухне.

Жестяная чайная коробка с японским садом стояла на верхней полке, куда Марк обычно прятал бумаги из карманов. Внутри лежало несколько мятых купюр, которых хватало на электричку и ужин. Сунула деньги во внутренний карман куртки и заметила под ними свёрнутые бумаги. К квитанции нотариуса была прикреплена копия документа о сделке с долей в моём экспертном бюро. Приобретателем значился Марк Ланской. Дата стояла июльская.

Десять лет собирала клиентов для этого бюро, договаривалась о каждой экспертизе, ездила смотреть картины за свой счёт. Ещё до свадьбы выбрала шрифт для вывески. Свою фамилию Марк теперь мог оставить на ней даже после развода.

Вернувшись в спальню, развернула документ перед мужем.

— Объясни мне, что это за сделка, — потребовала, закрыв ему вид на Власту.

Он скользнул взглядом по строкам и вернул мне документ.

— Защита активов, — ответил Марк, отодвинув бумагу. — Ты бы всё равно продула этот аукцион, милая. Хороший реставратор, нулевой организатор. Я спасаю то, что можно спасти. Тебе достанется свобода — это, поверь, дорогого стоит.

Набрала номер нашего семейного юриста и включила громкую связь.

— Вы знали про эти документы? — спросила, дождавшись ответа. — И объясните мне, пожалуйста: как доля моей фирмы могла уйти на моего мужа?

— Ева, Марк приходил согласовать документы ещё летом. Он сказал, решение у вас общее.

— Общее? — переспросила, прижав телефон к папке. — Он принёс вам проекты, а я впервые их вижу. Скажите прямо: моя подпись на сделке есть?

Пауза была длинной, очень профессиональной.

— Ева, Марк ссылался на вашу доверенность. Того, третьего года. Помните, вы поручили ему заниматься документами бюро?.. Здесь надо смотреть весь пакет, полномочия, условия сделки. На слух я выводов делать не стану. Запросите документы.

— Спасибо, — ответила, уже потянувшись к кнопке отбоя. — Я поняла, что документы придётся запрашивать самой.

— Ева, поймите правильно, я не на его стороне, я на стороне документов...

Сбросила звонок и убрала телефон. Искать другого юриста придётся за свои деньги, а из всех денег у меня сейчас несколько купюр в кармане.

— Пирожка я забираю, — предупредила, потянувшись к переноске.

— Я аллергичка. — Власта сморщила носик, подняла переноску и протолкнула её мне. — Забирай этого зверя.

Опустила переноску на пол и расстегнула молнию. Пирожок — восемь килограммов рыжей мести — вышел, потянулся, прошёлся по комнате и встал на задние лапы у окна. Тюль покупали вместе семь лет назад, Марк ещё ворчал, что дороговато. Кот съехал вниз, оставив на тюле лестницу зацепов. Власта завизжала. Пирожок оттолкнулся, прыгнул на комод — и ваза, синяя с золотом, подарок Марка на первый год, пошатнулась и полетела.

Синее стекло брызнуло по паркету, и Власта торопливо поджала босые ноги.

Пока Марк ругался на кота, опустилась на корточки. Среди осколков уцелел кусочек с золотой каймой. Завернула его в чек из кармана куртки и спрятала поглубже. Всю вазу, как и этот дом, забирать уже было незачем.

Подхватила Пирожка под живот и усадила обратно в переноску. С комода забрала папку, вложила в неё бумаги нотариуса. Чемодан пришлось сносить по лестнице боком, прижимая переноску к бедру. В прихожей кремовый зонт перегородил проход; отставив его ботинком, открыла дверь.

Электричка уходила в двадцать два сорок. Дождь уже залил ступеньки. Стояла на трассе с чемоданом, с папкой, с переноской и голосовала. Дождь шёл по диагонали, забираясь за воротник. Пятая машина — старенькая «Нива» с яблоками в кузове — остановилась.

— Садись, барышня, — сказал дачник с усами, глянув на меня и на кота. — Куда?

— К электричке, пожалуйста, — попросила, прижимая переноску к груди. — Мне в Москву, а дальше хоть куда.

— Не бывает «куда угодно». — Он хмыкнул и тронул с места. — Бывает — куда надо. У меня дочка в Марфино работает, в усадьбе. Слыхала про такую? Флигель там сдаётся при

мастерской, за копейки. Осенью никого туда не загонишь, а зря — клёны какие. Я уж старый и многого сделать не могу, но иногда вожу дочке яблоки — хочется ей хоть чем-то помочь.

Смотрела на мокрую черноту за стеклом, стараясь запомнить название усадьбы. Марфино, флигель, какие-то клёны. Там, по крайней мере, можно было переночевать с котом. Дачник продиктовал номер управляющей и помог сохранить его в телефоне, пока Пирожок возился в переноске у меня на коленях.

На вокзале он выгрузил чемодан под козырёк и сунул вслед пакет яблок. До платформы докатила чемодан, устроила переноску у сиденья. В вагоне же, едва поезд тронулся, пришлось отвернуться к стеклу: по лицу текло, капли падали на воротник. Восемь лет любила этого человека. Даже сегодня ехала домой с каталогом, чтобы порадовать его первой удачей аукциона. В пакете у ног перекатывались три яблока, и почему-то от их стука плакалось ещё сильнее.

Достала телефон и набрала Данилу, надеясь услышать хоть что-нибудь привычное. Вместо приветствия брат сорванным голосом выговорил:

— Евка. Алису забрали, с сердцем опять плохо. Мы в детской кардиологии, консультант из «Корвуса» приехал... Ева, ты слышишь?

Вытерла лицо рукавом, переспросила адрес. Данила произносил его по слогам, а за ним слышался чей-то кашель. Папку прижала к коленям так крепко, что угол врезался в бедро. Только бы доехать до Алисы.

— Я уже еду, Даня, — сказала, сверяя на телефоне маршрут от вокзала.

В больничном вестибюле Данила забрал переноску и чемодан. Пообещал отвезти кота домой, как только поговорит с врачом, и усадил меня у двери отделения. Сидела, сжимая папку и вдыхая запах антисептика из приоткрытой двери. В проёме появился врач в сером шарфе поверх белого халата. Наклонив голову над картой, он казался ещё шире в плечах. Пока что-то дописывал, успела приглядеться.

Поднялась со стула. Двадцать лет назад этот человек застал меня у разбитого микроскопа. Сейчас оставалось надеяться, что он помнит что-нибудь ещё.

Глава 2. Человек, который не извиняется

— Вам нельзя сюда. — Дежурная сестра вышла из-за поста и загородила дверь отделения. — Ночь. Посещение с десяти.

— Ей восемь лет, я её тётя, — объяснила, разыскивая в сумке паспорт. — Очень прошу, хоть на минуту.

— Девочка спит, и слава богу, — ответила сестра, возвращая мне паспорт. — После десяти сможете пройти. Сейчас разбудите и опять уйдёте, ей только тяжелее будет.

— Тогда хотя бы с врачом поговорить, — попросила, отойдя от прохода. — Отец девочки здесь, он согласен.

Данила подошёл от гардероба, оставил вещи у скамьи и назвал фамилию дочери. Сестра узнала его, вздохнула и потянулась к внутреннему телефону.

— Консультант Чёрный из «Корвуса», — сказала она, набирая номер. — Сейчас уточню, сможет ли выйти. Подождите у скамьи, пожалуйста.

— Глеб Андреевич? — переспросила, оглянувшись на брата.

Сестра положила трубку и открыла дверь. К нам уже шёл врач в сером шарфе, которого заметила за дверью.

— Данила, я сейчас к вам выйду, — сказал он, останавливаясь у поста. — Родственники смогут зайти после десяти.

— Дядя Глеб, я разбила ваш микроскоп, — выпалила, встав рядом с Данилой. — Мне двадцать лет стыдно.

Он перевёл взгляд с брата на меня и прищурился. В двенадцать лет хотелось спрятаться, когда он так смотрел; теперь пришлось выдерживать.

— Сестрёнка Данилы, — произнёс он, отступив от двери. — Ева. Которая рыбу в коробках таскала... Ну здравствуйте, выросли, значит.

Он улыбнулся, и под расстёгнутой курткой впервые за ночь стало тепло.

— Случилось за это время, — ответила, пригладив мокрые волосы.

— Узнал бы раньше, будь вы посуше, — проворчал он и взглянул на Данилу. — Пойдёмте в ординаторскую. Сядем, поговорим про Алису. Только сначала снимите куртку, Ева, с вас капает.

В ординаторской Глеб придвинул нам стулья. Данила сел вплотную ко мне, коленом к колену.

— Порок у Алисы сложный, понадобится операция, — объяснил Глеб. — Сейчас её состояние контролируют. В отделении недостаёт оборудования. Переводом в другой центр тоже занимаются, но быстро найти место пока не удаётся.

— Даниле говорили про очередь на полгода, — напомнила, вцепившись в сиденье. — А пока ждать?

— Пока лечить и добиваться перевода, — ответил Глеб, раскрыв перед братом папку. — У Алисы есть лечащий врач, план помощи тоже есть. Оснащение отделения — другая работа, её мы делаем параллельно. На аппарат собираем давно, денег очень много требуется. Всё собранное уходит через фонд, можете посмотреть отчёт.

— Аукцион в Марфино как раз для этого, — сказала, доставая макет. — Я его готовлю. Мы обсуждали сбор для детской кардиологии, только сумма мне представлялась цифрой в письме. Теперь у неё лицо Алисы.

Глеб выпрямился и придвинул папку к свету.

— Марфино, — повторил он, прочитав название на обложке. — Я вхожу в попечительский совет усадьбы. Значит, это ваши эскизы нам присылали? Почему же вы молчали?

— До сегодняшнего вечера вела я, — ответила, потянув папку обратно. — Теперь на моё место очень рассчитывает другая женщина.

Данила наклонился ко мне, но пришлось покачать головой: здесь рассказывать о Марке было особенно гадко. Глеб задержал взгляд на папке и отодвинул документы Алисы.

— Я доложу о вас совету, — предложил он, доставая телефон. — Скажу, что знаю вас двадцать лет и отвечаю за вас как за...

— Не просите за меня, — перебила, накрыв ладонью обложку. — Я не нищая. Я сама.

Он убрал телефон и встал. Данила за спиной шумно выдохнул, но спор тоже отложил на потом.

— Тогда хотя бы поешьте. — Глеб открыл стоявший у чайника контейнер и положил передо мной половину бутерброда. — Вы совсем серая. Сначала еда, потом гордость.

— Это шантаж бутербродом, — возмутилась, разворачивая салфетку.

— Пока единственный, — подтвердил он, отодвинув от меня пустую кружку. — Данила, налейте сестре чаю. Хотя вы с ней договоритесь.

В сумке зазвонил телефон. Пока ехала в электричке, успела написать управляющей усадьбой насчёт флигеля. Теперь Роза Петровна перезванивала.

— Девочка, — устало сказала она, перебирая что-то шуршащее у трубки. — Совет у нас завтра... то есть уже сегодня, в десять. Я вам про флигель говорила... А теперь мне позвонили сегодня вечером. Спрашивали про вас. Рекомендовали, — она замолчала и глухо кашлянула, — другого координатора на аукцион. Власту Юрскую. Профессиональную, говорят, с опытом. И спрашивали, точно ли вы будете жить во флигеле... Складно так спрашивали, по бумажке.

Закрыла глаза, всё ещё держа бутерброд. Даже из спальни с любовницей он успел позвонить в усадьбу и закрыть мне выходы.

— Можно я приеду сейчас? — попросила, взглянув на брата. — Мне больше негде переночевать.

Данила попросил адрес, погрузил вещи в машину и усадил переноску на заднее сиденье. По дороге пришлось рассказать про Марка. Брат выслушал до конца, один раз съехал к обочине, чтобы выругаться, а потом крепко обнял меня через рычаг передач. Сам предложил переночевать у него. Но Алисе он сейчас был нужен в больнице, а мне требовалось место, где можно разложить каталог и подготовиться к совету.

В тёмной усадьбе только у ворот, возле хозяйственного флигеля, горел свет. Отпустив брата обратно к дочери, нажала кнопку звонка. Роза Петровна открыла дверь, позвякивая ключами на поясе. Оглядела мою мокрую куртку и пропустила в хозяйственную комнату, где ещё горела настольная лампа.

— Вы та самая Ланская, про которую звонили? — спросила, забирая у меня мокрую куртку. — Мне велели аттестацией вашей поинтересоваться.

Открыла папку на хозяйском столе, расправила загнувшийся лист. За спиной сопел в переноске кот; Данила перед отъездом помог занести вещи.

Роза Петровна листала долго, пока кот устраивался поудобнее. На развороте с усадебным клёном вернулась к предыдущей странице.

— Вот это белый зал, — сказала тихо, придвинув лампу. — Я в нём сорок лет служу. А вы его увидели. — Она подняла глаза и прищурилась. — Ваш отец — Леонид Ланский? Который лекции читал, про усадьбы, про модерн? Я на них в молодости бывала, нас от конторы посылали, а я потом ещё раз приходила, уже для себя. Голос-то его до сих пор помню. Жаль, рано кончились лекции.

— Да, папа читал эти лекции, — ответила, проведя по сгибу страницы. — Ему очень нравилось сюда приезжать.

Помолчав, хозяйка сняла с крючка связку ключей и пошла со мной осматривать флигель — сама, с фонариком, ткнула в печку, в колонку, в северное окно: «Дует, но зато клёны в упор». Потом положила на стол лист договора.

— За флигель возьмём по минимуму, — решила она, расправляя договор. — По старой памяти. Кот пусть живёт. Только пункт прочитайте, его после сегодняшнего звонка юрист прислал. Тут про расторжение при компрометации арендатора. Подпишите?

Прочла пункт ещё раз и прижала угол листа ключом.

— А что они назовут компрометацией? — спросила, разыскав следующее упоминание этого слова.

— Это ещё обосновать надо. — Роза Петровна поморщилась и придвинула лист ближе к лампе. — Сплетнями меня за сорок лет закалили. Но требование расторгнуть договор могут прислать, я обязана вам сказать. Юрист этот пункт очень любит.

— Подпишу, — решила, вписав фамилию. — Будем аукцион делать, Роза Петровна. Ради этого и подписываю.

В четвёртом часу ночи разложила каталог на столе во флигеле. Пирожок успел вылезти из переноски и ободрать этикетку закрытого тюбика клея. Пришлось отобрать тюбик и вынести обрывки под его укоризненным взглядом. Смех застревал в пересохшем горле, но сдержать его оказалось совершенно невозможно. На середине очередного смешка в дверь постучали.

На пороге, под дождём, в своём сером шарфе, стоял Глеб с термосом.

— Данила дал адрес, — объяснил Глеб, поднимая термос. — Утром я всё равно на совет. Дайте взглянуть, что вы понесёте этим людям.

Отступила в сторону, пропуская гостя. Кот немедленно пошёл знакомиться с мокрыми ботинками.

Он сел за стол, придвинул рукопись и прочёл первый разворот. Соседний стул скрипнул, когда опустилась рядом. Собственный текст теперь хотелось забрать и спрятать в чемодан.

— Ну, говорите уже, — попросила, поправив загнутую страницу. — Композиция хромает? Или слишком много объяснений?

— Ланская, я в живописи уверен только насчёт Репина, — признался он, переворачивая лист. — Зато текст читать умею. Вот смотрите: «возможно», «позволим себе предположить». Через строчку просите разрешения сказать то, в чём уверены. Зачем?

— Чтобы самоуверенной душой не выглядеть, — ответила, вытащив карандаш из папки.

— А звучит испуганно, — заметил он, возвращаясь к предыдущему развороту. — Роза Петровна согласовала с вами эти залы, вы знаете каждый лот. Пишите то, что знаете. Кто вас убедил, что за каждую фразу надо извиняться?

— Муж, например, — ответила, зачеркнув первое «возможно». — Вы и сами в коридоре сказали: «Родственники после десяти».

— Там у меня работа, здесь у вас, — возразил он, придвинув термос. — Пейте чабрец и правьте. А с этим «возможно» разберитесь сами: оно про сомнения в картине или про страх перед Марком?

До рассвета успели пройти весь макет. Спорили над каждой оговоркой: в атрибуции они нужны, в приглашении на благотворительный вечер выглядят странно. Глеб соглашался, отступал, иногда упрямо возвращал лист. На двадцатой странице уже смеялась, пока он подыскивал слова, чтобы разнести очередное «осмелимся предложить».

Уходя, в сером рассвете, он обернулся на пороге:

— Совет сегодня в десять, — напомнил он, застёгивая куртку. — Там будет человек, которому вы не понравитесь заранее. Не показывайте ему, что вам страшно.

— Это вы про Векшина или про себя? — уточнила, облокотившись о косяк.

— Про Векшина, — подтвердил он, подбирая зонт с крыльца. — Держите цифры наготове. Ему уже есть кого предложить вместо вас.

Закрыла дверь и отпила остывшего чая из крышки термоса. Чабрец пах даже сильнее после дождя. До совета оставалось несколько часов. На первом развороте красным карандашом Глеб обвёл строчку, которую собиралась защищать перед Властой: «Автор проекта — Ева Ланская».

Глава 3. Совет под клёнами

— ...и таким образом, каталог «Осенний бал в Марфино» готов к печати на семьдесят процентов. — Власта разложила распечатки и повернулась к сидевшим за столом. — Наша команда закончила основную работу.

— Простите. — Остановилась в дверях и перехватила папку поудобнее. — А кто — «наша команда»?

Совет собрался в бывшей библиотеке усадьбы. Прямо под портретом незнакомой барышни Власта раздавала мои эскизы. Перевёрстанные, с другой сеткой, зато схема развески белого зала осталась прежней. Даже просвет между двумя крупными работами, который пришлось вымерять на месте, сохранился.

— Ева! — прожурчала она, потянув ко мне свободный стул. — Ты всё-таки пришла. Дорогая, ты же на больничном, так сказать... статусном. Мы с Марком решили тебя не грузить.

Роза Петровна отодвинула для меня стул рядом с пожилой краеведкой. Всего за столом сидело с десяток человек. Председатель Векшин поправлял цепочку часов на жилете; Глеб, в тёмном костюме, ждал у противоположного конца стола. Здесь он держался заметно скованнее, чем в больнице.

Выложила рукопись на стол. На обложке с ночи осталось грязное пятно; пришлось отвернуть клапан, прежде чем открыть первый разворот.

— Вот оригинал с моими пометками. — Раскрыла папку и подвинула её председателю. — У госпожи Юрской перевёрстка тех же страниц. Я хочу узнать, откуда у неё файл.

— У меня всё подписано, — возразила Власта, прижав папку к груди. — А у вас что? Слова? К тому же публика должна знать, кто ведёт аукцион. У вас статус в гильдии приостановлен — в положении об аукционе есть условие об аттестации координатора.

С приостановленным статусом меня могли сейчас отправить за дверь. Вчера Власта только дразнила этим словом, теперь Векшин достал из своей папки распечатку уведомления гильдии. На соседнем стуле краеведка перестала листать каталог.

— Подождите, — попросила, потянувшись к уведомлению. — По какой жалобе? Что именно мне вменяют? Мне нужны копии, я должна ответить.

— Ну зачем так, Ева. — Власта наклонилась через стол и накрыла свою папку каталогом. — Здесь люди делом заняты.

— Моим делом тоже, — ответила, удержав лист у себя. — Здесь моя фамилия. Я проходила аттестацию и защищала свои заключения. По этой жалобе тоже дам ответ, когда получу материалы.

— Авторство макета требует свидетеля. — Векшин постучал карандашом и оглядел стол. — Есть свидетель?

— Есть. — Глеб встал и развернул к председателю страницу с красными пометками. — Я был в этом доме — во флигеле — этой ночью, с четырёх утра. Ланская работала над этой рукописью при мне. Красные пометки на полях мои. Ева при мне правила свой текст, объясняла каждое решение. Об атрибуции картин судить вам, но работающая рукопись у Ланской есть, и я её видел. Или вы считаете, что кардиохирург по ночам сочиняет чужие каталоги?

Кто-то за столом хмыкнул. Краеведка потянула к себе мой макет и стала сопоставлять его с распечаткой Власты. Векшин раздражённо провёл карандашом по полям уведомления.

— Хорошо. — Векшин снова взял уведомление и отметил в нём строку. — Но статус, Ланская. Формально координатором вас утвердить нельзя до выяснения.

— Тогда давайте выяснять, — с азартом подхватила Власта, протягивая распечатки. — Независимая экспертиза эскизов. Почерк, слои правок. Я согласна хоть на графологию.

— Давайте, — согласилась, переложив эскизы перед собой. — С одним условием: эксперт — не из вашего списка.

И тут молоденький секретарь совета, разбиравший распечатки Власты, поднял один лист:

— А вот это... это в пакет вложено. Кому читать?

В распечатке письма с моего адреса говорилось о передаче материалов Юрской. Дата стояла августовская. Перечитала дважды: обороты действительно мои, вплоть до дурацкого «осмелюсь предложить». Только согласия передать Юрской работу от меня никто не получал. В августе каталог по-прежнему готовила я.

— Я такого письма не отправляла, — произнесла, положив лист перед секретарём. — Приобщите, пожалуйста, к протоколу. И запросите у госпожи Юрской электронный оригинал с пересылками. По распечатке мы происхождение письма едва ли установим.

— Паранойя у тебя, — выдохнула Власта, отодвигаясь от листа.

— Прошу занести мой запрос в протокол, — повторила, дождавшись взгляда секретаря.

Секретарь вопросительно посмотрел на Векшина. Тот отмахнулся и перешёл к следующему пункту. Мою копию секретарь положил к протоколу.

Едва села, сменила пароль почты через телефон и завершила доступ с других устройств. Теперь предстояло разобраться ещё и с тем, что успели разослать с моего адреса.

Векшин вернул мне уведомление и придвинул смету. Дальше он говорил о сомнительных сборах, затратах и скандале, который усадьбе совсем ни к чему. Встала, чтобы всем было видно развёрнутый каталог, и нашла страницу с планом лотов.

— Пойдите. — Векшин наклонился к смете и ткнул карандашом в итог. — Каталог вы напечатаете. А аппарат на что покупать? Нужны лоты, которые хоть кто-нибудь захочет.

— В первую очередь частные коллекции, — ответила, развернув к нему список предварительных договорённостей. — Вот владельцы, с которыми я работала. Часть готова отдать работы в пользу отделения, часть обсуждает условия. К каждому лоту подготовим документы, а переводы и расходы фонд отразит в отчёте. Вам можно будет их проверить.

— А если не соберёте? — уточнил Векшин, отложив карандаш.

— Тогда придётся искать недостающую сумму, — ответила, выпрямившись. — Обещать результат до первых соглашений слишком легко. Дайте мне эти соглашения получить. С контактами и каталогом я пришла, завтра готова ехать к владельцам.

Краеведка сняла очки и задержала меня на странице с историей белого зала. Узнала цитату из усадебной переписки, попросила сохранить её в окончательном макете. Роза Петровна вернула разговор к лотам: кто займётся приёмом, где их будут хранить. Вместе сверили список помещений, и она предложила вынести назначение на голосование.

Меня утвердили ассистентом, а координатором назначили Розу Петровну «на переходный период», до снятия вопросов со статусом. Роза забрала документы на подпись, а мне подвинула список владельцев. Завтра предстояло звонить и договариваться самой. Эту работу у меня всё-таки оставили.

Власта вышла из зала, хлопнув дверью. В коридоре она догнала меня, взяла под локоть и зашептала быстро, зло:

— Ты не понимаешь, с кем играешь. Он тебя держит. Счёт, бюро, круг общения — всё он замкнул, ты без него никто, у тебя даже крыши нет. Подыграй мне — место в каталоге, пара строчек — и я поговорю с ним по-хорошему. Думаешь, я просто так сейчас место в каталоге прошу? Мне тоже за него держаться приходится. Только у меня есть кому звонить, а тебе кто поможет? Одно моё слово — и тебя выключат совсем.

— У меня есть работа, — сказала я, высвобождая локоть.

Власта достала телефон, поглядела на экран и резко убрала его. До совета она улыбалась каждому, теперь даже со мной заговорила о том, как ей самой нужен Марк. Возможно, после сегодняшнего отказа объясняться с ним она боялась сильнее меня.

Вернулась в зал за папкой. Протокол ещё лежал на столе, Векшин собирал бумаги, а Глеб стоял у окна.

— Подпишите протокол, Глеб Андреевич. — Векшин пододвинул лист, чуть понизив голос, но так, что слышно было всем. — И вы меня поймите правильно. Штерны — наши главные доноры, вы знаете. Уже спрашивали про ваши... благотворительные увлечения. Семейные драмы. Люди такого уровня не любят шумных историй. Поставьте себя на их место: они уйдут из «Корвуса». Отделение останется без взносов. И денег на аппарат не будет. Вы ведь за аппарат всё это...

Глеб задержал на нём взгляд, потом взял ручку и подтянул протокол к себе.

— Если у Штернов будут вопросы, я поеду к ним разговаривать сам, — сказал Глеб, прочитав протокол. — А здесь решается, кто будет работать над аукционом. За это решение я отвечаю.

Он поставил подпись и вернул документ секретарю. О взносах Штернов Глеб знал куда больше моего. Однако даже теперь, после предупреждения Векшина, фамилию Ланской в протоколе поддержал.

Хотелось подойти, поблагодарить его, но пока он собирал вещи, удалось только сжать папку покрепче.

В парке подняла лицо к клёнам. Солнце ударило в мокрые листья, пришлось зажмуриться. Набрала воздуха и заорала «ДА!» так громко, что с ближайшей ветки разом сорвались вороны. Впервые за сутки хотелось, чтобы все слышали.

Вечером ужинали с Данилой в больничном кафе. С гречкой и компотом вспоминали, как Глеб защищал разбитый микроскоп от нашей компании. Смеялись осторожно, поглядывая на дверь: брат всё ещё ждал вызова к Алисе.

— Пирожок-то освоился? — спросил Данила, придвигая мне хлеб. — Вчера орал в машине, точно это я ему жизнь испортил. Очень обидчивый пассажир.

— Уже хозяйничает, — ответила, впервые вспомнив о нём с улыбкой. — Клей отобрал, стул занял. Боюсь, меня к утру выселит.

Пока Данила ходил за чаем, набрала первого владельца из списка. Гольдин ответил сразу и перебил, едва услышав про аукцион.

— Ева Леонидовна, ваш муж меня уже предупредил, — произнёс он, пошуршав чем-то у трубки. — С лотом давайте пока повременим.

Завтрашний адрес уже был записан на обложке каталога. Вместо того чтобы зачеркнуть, обвела его ещё раз.

Глава 4. Мольберт и скальпель

— Ланская? — Старый Гольдин встретил меня у кабинета и отступил, пропуская к столу. — Позвонил Марк Ланской. Сказал: вы дискредитированы, идёт разбирательство, и связываться с вами — значит пойти ко дну вместе с вами. Он ваш муж. С чего бы ему врать?

— Мужьям очень охотно верят, — согласилась, поставив сумку у порога. — Поэтому я и приехала поговорить сама.

— Говорить можно долго. — Он не двинулся с места. — На вас жалоба, а у меня лот, который уйдёт с вашей экспертизой в каталоге. Вы представляете, что с моей коллекцией будет, если скандал заденет и её?

— Представляю лучше, чем вам кажется. Поэтому и пришла до того, как вы ответите на жалобу.

— И что вы мне посоветуете? Сидеть тихо и ждать, пока гильдия решит?

— Ответить правду. Что разбирательство идёт, что окончательного решения нет и что до решения вы вольны сами выбирать, кому верить. В жалобе изложены обвинения. Решение гильдии ещё впереди. Сейчас вы можете выслушать и меня, прежде чем решать за свою коллекцию.

— Красиво. Только он ваш муж. Муж знает о жене то, чего не знаем мы.

— Он сторона в нашем разводе. Мы делим бюро, и моя добросовестность ему в этом деле — помеха. Вот он и обзванивает моих клиентов.

— Долго он говорил? — спросила, усаживаясь напротив.

— Достаточно. Подробней всего про вас, милая. Я это заметил. Человеку, которому важна картина, есть что сказать о картине.

— Заметили — уже половина ответа Марку.

— Ох, — он наконец прошёл к столу, но садиться не стал. — Два года назад вы мне картину спасли. Я помню, кто меня вытащил. Но я старик, а старики боятся скандалов. Два года — не вечность, люди меняются. У вас есть хоть что-то, кроме слов?

— Есть предложение. Не про лот. — Кивнула на стену за его спиной, где висел потемневший пейзаж. — Разрешите осмотреть пейзаж и согласовать пробу. Все фотографии останутся у вас. Если результат вас не убедит, сможете с чистой совестью отказаться.

— То есть я должен стать вашим испытательным полигоном.

— Не полигоном, а заказчиком, который проверяет мастера до большого дела. Так делали всегда, пока не начали верить бумагам больше, чем глазам.

— А если проба выйдет хорошая, а скандал всё равно прилетит?

— Тогда решение примете по собственному опыту, а не со слов чужого человека. И это будет ваше решение, а не его.

— Хитро. А мне-то что с этой пробой?

— Спокойные ночи. Когда сами посмотрите на работу, будете знать больше, чем по чьему-то звонку.

Гольдин посмотрел на пейзаж так, будто спрашивал у него разрешения.

— Почему я вообще должен разговаривать? — всё же спросил он. — Взял и отказал. Имею право.

— Имеете. Только два года назад вы доверили мне другую картину. Её вы и сейчас можете оценить. Давайте проверим, помню ли я свою работу.

— Проверить вас на моей картине — так это придумать надо.

— Придумала. Проба крошечная, в согласованном месте. Вы стоите рядом, видите каждый шаг и в любой момент можете велеть остановиться. Все снимки остаются у вас.

— А если я посреди работы скажу «довольно»?

— Остановлюсь и поблагодарю. Это условие — тоже ваше.

— А вам-то это зачем? У вас разбирательство, а вы ко мне с пейзажем.

— Мне нужна работа, а не сочувствие. Когда гильдия спросит, чем я занималась всё это время, я покажу работу, а не стопку писем с объяснениями.

Гольдин хмыкнул и снова посмотрел на пейзаж.

— Придёте через два дня, — решил он. — Инструменты свои. Сначала всё объясните, прежде чем работать. Согласуем пробу, посмотрим результат, а дальше решу.

Через два дня Гольдин уже сам снял пейзаж со стены и устроил его на подставке в кабинете. Подготовила рабочее место, а он ходил вокруг и не давал мне наклониться.

— Почему этот участок? — спросил он. — Не отвечайте сразу, я не тороплю. Объясните так, чтобы я понял.

— Начнём с неба, чтобы вы сами могли сравнить результат с тем, что помните о картине. Сначала сделаю снимок при этом свете, затем покажу вам результат пробы. Основную работу сейчас делать рано.

— А дальше? Дальше что сделаете?

— Дальше — ничего, пока вы не решите. Проба и есть граница. Всё остальное — отдельный разговор и отдельное решение.

— А риск?

— Совсем без риска не бывает. Кто скажет «совсем никакой» — тому не верьте.

— А вы, значит, с оговорками. — Он наконец отступил на шаг и дал работать.

Вела пробу медленно, а он рядом задавал вопросы, возражал, снова спрашивал.

— Вы всем так предлагаете? Проверку вместо рекомендаций?

— Другим не предлагаю. У других нет вашего лота в моём каталоге.

— Прагматик.

— Реставратор.

— Одно другому не мешает?

— Помогает. Раз уж вы согласились посмотреть, дайте мне поработать.

Один раз он велел остановиться, надел очки и подошёл поближе. Спорить с ним за работой было незачем.

Когда под потемневшим покрытием проступил первоначальный цвет неба, Гольдин замолчал. Наклонился почти к самому полотну и велел посветить ещё раз.

— Вот же... — сказал он наконец. — Свети ещё. Стой, не лезь дальше, дай посмотреть.

Он смотрел долго, потом опустил на стул.

— В шестьдесят девятом купил, — сказал он тихо. — Жена тогда сердилась, считала, дорого. Очень уж дорого. А я принёс и поставил у окна, она посмотрела на это небо и сдалась. — Он снял очки и протёр их платком. — А я уже забыл, каким оно было. Ходил мимо и делал вид, что так и надо.

— Зато сейчас узнали, — ответила, отодвигая лампу. — Всё ещё помните.

— Вы бы всю её сделали? Если бы я попросил.

— Сделала бы. Но не с кондачка. Обсудим условия, подготовим план работы. Сегодня я обещала только пробу.

— С вами я, значит, зря горячился?

— С жалобой разбирайтесь, это ваше право. А полотну просите не трогать никого, кроме тех, кто умеет.

— Ладно. — Он встал, достал из ящика папку с бумагами на лот. — Доверенность на лот подпишу сейчас. Вы правильно услышали, Ева Леонидовна. А основную реставрацию вы мне пока не предлагайте. Я не так стар, чтобы соглашаться сразу.

— Я и не предлагаю. Сами позовёте, когда созреете.

— Обнаглели вы, девочка. — Он подписал и передал мне бумаги. — На месте Марка Ланского я бы вас побаивался.

— Он и боится. Отсюда и жалоба.

— Что мне сказать знакомым, если спросят про вас?

— Правду: что видели своими глазами. Этого хватит.

— Напишу и в гильдию. Стариков там читают до конца, у них времени много.

Вечером того же дня Гольдин написал в гильдию письмо на четырёх страницах, приложил фотографии пробы и отдельно просил учесть прежнюю работу Ланской Евы Леонидовны: результат сохранился, оценить его можно на месте.

Уезжала с подписанными бумагами на лот. Картина пока оставалась у владельца, зато теперь Гольдин сам обещал позвонить знакомым коллекционерам и поговорить обо мне.

Ответ на жалобу Марка дополняла фотографиями и выдержками из материалов спорной экспертизы. Письмо Гольдина приложила к ним. Из гильдии сообщили, что окончательное решение перенесено: требуется очная проверка моей работы с независимым экспертом. До неё оставалось время собрать остальные подтверждения.

В больнице по разрешению врача сменяла Данилу у постели Алисы. Алисе после капельниц было страшно — она просила не гасить свет и держать за руку. Днём она терпела, как терпят взрослые, а ночью разрешала себе быть восьмилетней. Читала ей вслух, потом придумывала истории сама. Особенно она полюбила мышиный вернисаж.

— ...и вот мыш-реставратор, — рассказывала, подкладывая Алисе подушку, — приходит на выставку, а на самом большом сыром полотне плесень.

— Тётя Ев, сыр же вкусный! — возражала Алиса, оттягивая угол одеяла. — Зачем его на выставку?

— Мышь-художник велела любоваться, — объясняла, изображая её важный голос. — А все пришли с тарелками. Теперь плесень чистить некому, реставратора зовут. Она как увидела: «Кто выставлял сыр без рамы?!» Очень рассердилась.

— А художники обиделись? — Алиса приподнялась на локте и отвела с лица волосы.

— Сидят в углу и дуются, — подтвердила, возвращая ей сползшее одеяло. — А главный куратор им говорит: «Она вашу выставку спасает. Отложите ей хоть кусочек!» И они со всех полотен по кусочку откладывают.

— Нечестно, — захохотала Алиса, натягивая одеяло до носа. — Сначала плесень почисть, потом сама и ешь?

— Вот и она так сказала, — прошептала, вытирая смешливые слёзы. — «Я сыр не ем. Я сыр спасаю».

У двери тихонько засмеялась сестра. А когда закончила историю, заметила за ней Глеба. Он только заглянул по дороге из клиники, держал шарф и слушал вместе со всеми.

— Продолжайте, — попросил он, прислонившись к косяку. — Она уснёт быстрее, когда читаете вы.

После этого Глеб всё чаще задерживался в дверях, когда попадал на нашу сказку. Алиса замечала его первой и старательно притворялась уснувшей. Потом однажды призналась: так дядя-врач остаётся подольше.

Алиса рисовала своих мышей в альбоме, и однажды эти листы подали мне идею для аукциона. Догнав Глеба в коридоре, предложила выставить детские работы отдельным лотом. Он остановился посреди шага.

— Нет, Ева, — ответил он, отведя меня от двери палаты. — Не выставляй больных детей на продажу. Им потом придётся узнавать, сколько денег за них дали.

— Это же их рисунки, — возразила, раскрыв альбом. — Алиса сама просила показать.

— Показать или продать? — Глеб задержал взгляд на листе и закрыл альбом. — Уточни у неё. Очень прошу.

Обиды хватило на сутки. Потом пересмотрела альбом вместе с Алисой, спросила, что она хотела бы сделать со своими рисунками. Ей хотелось повесить их в красивом зале и привести туда папу. Пришлось признать: об аукционе и деньгах заговорила я сама.

В следующий раз подошла к Глебу уже с другим предложением. Пусть из рисунков составят стену сердец для оформления зала. Работы детей, которые сами захотят участвовать, останутся их собственностью. На вечер они придут гостями, если смогут, с родными. Ценников под рисунками совсем не будет.

— Стена? — переспросил он, рассматривая выбранные Алисой листы. — Меня тоже так оперировали. Мне было девять. Собрали зал, я стоял на сцене, и ведущая говорила: «этот мальчик ждёт вашей помощи». Я стоял и думал: а если не соберут — значит, не доживу до весны? — Он опустил альбом и потёр плечо. — С тех пор не выношу благотворительных спектаклей. А на твоей стене рисунок можно повесить и уйти, да? Просто гостем побыть. Ну, тогда другое дело. Такая выставка мне нравится.

Перестала теребить корешок альбома. Он рассказал о собственной операции так буднично, а мне хотелось вернуть назад вчерашнее возмущение. Пока спорила с ним, совсем забыла спросить, почему для него это так важно.

Роза Петровна взялась считать стоимость рамок и осеклась, добравшись до итоговой суммы. Достала оставшиеся от поездки деньги, те самые из чайной коробки, и предложила прибавить их к смете. Управляющая посмотрела на деньги, на меня — и ушла с ними. А утром вернула конверт: деньги на месте, рамки — в смете усадьбы. «За отца вашего», — сказала она и отвернулась.

К вечеру юрист переслал «примирительное» письмо Марка: развод по-хорошему, бюро и доля остаются ему, мне обещается «свобода и символическая благодарность от аукциона». При Розе Петровне открыла ответное письмо и напечатала: «Отказываюсь. Судитесь честно, если умеете». Ответа он больше не прислал.

Зато Роза Петровна позвонила насчёт другой почты: анонимный владелец предлагал для каталога уникальный лот. Взамен просил обсудить обновление команды. Управляющая прочла мне эту фразу дважды и сохранила письмо для совета.

После очередного вечера у Алисы Глеб предложил отвезти меня домой. Под дождём добежали до его машины, а она завелась только с четвёртой попытки.

— Всё, довезу до Марфина, — пообещал он, прислушиваясь к мотору. — Надеюсь, капризы кончились.

До поворота у усадьбы доехали, а у старой липовой аллеи, километрах в двух от ворот, мотор снова заглох. Глеб посветил фонариком под капот, выругался вполголоса и выпрямился.

— Пойдём пешком, тут минут сорок, — предложил он, закрыв капот. — Зонт есть?

— Маленький, с кленовым листом, — ответила, разыскивая зонт в сумке. — На ваше плечо мало надежды.

Пошли под одним зонтом, тесно прижавшись плечами. Все сорок минут спорили: Глеб совершенно бессовестно ругал Малевича, а защищать приходилось мне.

— Он же всё лишнее с картины убрал, — спорила, стараясь поспеть за Глебом. — Саму живопись показал. Разве вам такое непонятно?

— Сначала надо было спросить у живописи, — отвечал он, перехватывая зонт повыше. — Может, ей всё лишнее было очень нужно. Ты спроси у Пирожка, что он о голой миске думает.

— Вы ужасный циник, — сообщила, оттирая дождь со щеки.

— А у вас зонт на меня наехал, — пожаловался он, отведя мокрую спицу от лица.

— У вас плечо дождь ловит, — возразила, потянув его ближе. — Наклонитесь хоть чуть-чуть.

— Я и так уже боком иду, Ланская, — проворчал он, всё-таки наклонившись. — Ещё немного, и вприсядку придётся.

Засмеялась так громко, что Глеб остановился и тоже расхохотался. До флигеля дошли уже молча, стараясь как можно дольше оставаться под одним зонтом. На крыльце он снял серый шарф и обмотал мне шею, заправляя концы под куртку.

— Совсем промокли, — проворчал он, поправляя узел. — Вернёте на балу. Это условие.

— А если бал отменят? — спросила, придерживая шарф у подбородка.

— Бал не отменят, — пообещал он, спускаясь со ступеней. — Я в совете.

Он забрал у меня зонт и пошёл обратно к машине, пообещав вызвать помощь. А мне пришлось несколько раз промахнуться ключом мимо замка. Шарф пах его одеколоном, антисептиком и дождём. Снять его даже в тёплом доме оказалось ужасно трудно.

На столе рядом с каталогом мигал телефон. Роза переслала письмо с предложением лота. Последняя строка про обновление команды теперь оказалась выделена: утром Векшин хотел обсудить её отдельно.

Глава 5. Пирожок и препарированная репутация

— «По данным источников, деятельность эксперта Ланской находится на проверке», — прочла вслух и опустила газету на стол журналистки. — Почему за жалобой у вас сразу идёт вывод о риске для усадьбы? Кто это проверял?

Статья вышла в среду, в районной газете. Заголовок: «Координатор без статуса: кто ведёт осенний аукцион в Марфино». В редакцию приехала в тот же день, взяв материалы спорной работы.

— Ева Леонидовна, статья основана на документе, — журналистка лет двадцати пяти заправила ручку за ухом и развернула газету ко мне. — Жалоба в гильдию существует, это проверяемо.

— Жалоба существует, — согласилась, развернув папку. — А вот вывода комиссии пока нет. Читателю вы о разнице сказали?

— Мы это и написали. Гильдия разбирается. Хотите, добавим ваш комментарий.

— Добавить комментарий — не то же самое, что исправить обвинительный тон. В заголовке от меня уже исходит угроза усадьбе. Хотя комиссия ещё разбирается. Вы читателю заранее посоветовали держаться подальше.

— Ну, тут всё-таки эксперт, ответственность. — Она поправила ручку за ухом и замолчала.

— Вот об ответственности и давайте. — Вынула из папки первую пачку снимков и положила поверх газеты. — Это фотография работы до начала. Это — после. Даты есть в рабочих материалах. Снимки делала я, могу подтвердить каждый.

Она взяла фотографии не сразу. Сначала отпила остывший чай, потом всё-таки придвинула снимки и стала их перебирать — не тасуя, как карты, а внимательно вглядываясь.

— А разве можно на это смотреть? Это же, наверное, чужая собственность.

— Принесла материалы своей работы, чтобы вы могли проверить публикацию. Если требуются пояснения владельца картины, давайте свяжемся с ним. Пусть подтвердит сам.

— Мы не писали «виновата».

— Не писали. Написали «по данным источников». А источник ваш представился моим мужем?

Она перелистнула газету на другую полосу. Открытую папку оставила перед собой.

— Источники не раскрываются, — ответила журналистка, отодвинув чашку от бумаг.

— Хорошо, тогда по-другому. Замужем пока ещё, это публично. Муж звонит вашим коллегам и рассказывает про жену. У вас в редакции это называется «источник» или «заинтересованная сторона»?

— У нас это называется «человек, который позвонил и назвал факты», — она всё-таки разозлилась, и ручка уехала у неё за ухо дальше. — Вы думаете, мне приятно? Пришлось обзывать людей, и половина кладёт трубку, а вторая говорит «без комментариев». А потом приезжаете вы и с порога обвиняете меня в чужом умысле.

— Давайте всё-таки о работе, — попросила, подвигая к ней снимки. — Посмотрите, потом спорьте.

Она посмотрела. На втором снимке задержалась, повернула его к окну, потом снова к лампе.

— Здесь что-то другое. Тут же темнее было?

— Было. Это после расчистки участка. Дату можно сверить по рабочим материалам.

— А раньше вы фотографии где-то публиковали?

— Нет. Они для заказчика и для гильдии. Сейчас вы можете по ним уточнить мою позицию. Готова отвечать за то, что сообщаю редакции.

— Источники — это... — начала она и осеклась. — Ладно. Допустим, поторопились. Допустим, мне просто дали материал, а мы его напечатали... — Она положила снимок и потёрла переносицу. — Вы понимаете, что если сейчас напишу опровержение, а гильдия потом решит не в вашу пользу, останусь душой? Ответственность за исправление тоже на мне.

— А если не напишете, а гильдия решит в мою пользу? — спросила. — Тогда душой выгляжу я. С испорченным именем, которое ваша газета растиражировала. Только мне его потом восстанавливать, а не вам. Разница только в этом.

Она помолчала. Чашку отодвинула совсем, чтобы не мешала.

— Что вы хотите? Конкретно.

— Права на ответ. Не от имени гильдии — гильдия ещё не решила, и решать за неё не стану. Моим именем, моими словами. И ещё поговорите с человеком, которому звонил источник. Он готов говорить под запись и под свою фамилию.

— Кто он?

Набрала Гольдина. Он ответил со второго гудка, услышал слово «редакция» и заорал что-то про чашки, кофе и священные предметы. Пришлось держать телефон на расстоянии.

Гольдин приехал с пейзажем, на котором мы делали пробу, и потребовал освободить место подальше от чашек. Пришлось вместе с журналисткой переставить столик к окну. Он оглядел журналистку, чайник, подоконник и остался недоволен всем, кроме света.

— Свет у вас убийственный, — сообщил он вместо приветствия. — Но для разговора сойдёт. Пейзаж не трогать, сам поставлю. Вот так. На стул. Чашки убрали? Убрали. Тогда начинайте, девушка, спрашивайте, пока не передумал.

— Вы согласны, чтобы вас назвали в статье?

— Фамилию печатайте, — велел он, усаживаясь перед столом. — Мне уже поздно и глупо прятаться.

Журналистка открыла блокнот, потом закрыла, потом снова открыла.

— Мне сказали, что вам звонили насчёт госпожи Ланской.

— Сказали правильно. Позвонил мужчина, представился её мужем. Рассказал, что она дискредитирована, идёт разбирательство и что всякий, кто с ней свяжется, будет утянут следом. Слушал внимательно, у меня слух до сих пор хороший. Потом ещё спросил, всё ли понятно. Понятнее некуда. Спросите у неё, — он кивнул на меня, — она подтвердит, что я всё-таки пустил её в кабинет. Я старик, девушка, а старики боятся скандалов. Но есть граница: я сам знаю, кого видел за работой.

— Вы хотите сказать, что он лгал?

— Давайте точнее. — Гольдин надел очки и посмотрел на неё поверх стёкол. — Разбирательство идёт — правда. Окончательного решения нет — правда. Всё остальное, что он говорил, было не про факты, а про то, кому мне верить. А это, извините, моя собственность. Распоряжаюсь сам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.